М. Г. ЛЕВИН, Я. Я. РОГИНСКИЙ

СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЗА 30 ЛЕТ

Когда в 1805 г. в издании Московского университета появилось сочинение Ивана Бенсовича «Слово о пользе физической антропологии», интерес образованных кругов русского общества к этому предмету вряд ли выходил за пределы простой любознательности, равно как и тремя десятилетиями позже, когда вышла книга профессора Лоецкого «Краткое руководство к пониманию племен человеческого рода» (1839) и немногие другие. Историю русской антропологии более уместно начинать с гораздо более крупного имени академика К. М. Бэра. В своей разносторонней деятельности этот выдающийся ученый — отец современной эмбриологии — уделил немало внимания и специальным антропологическим работам. Ему русская антропология обязана не только первыми оригинальными антропологическими исследованиями, но и первыми систематическими сборами краниологических коллекций, и ныне украшающих собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Можно было бы вести линию развития русской антропологии, не переступая границ узкоакадемических кругов, но это помешало бы нам понять источники формирования этой науки в России.

Общее направление передовой русской общественной мысли 40-х — 60-х годов XIX в. привело ее к интересам в области всемирной истории, этнографии и антропологии. Т. Н. Грановскому принадлежит, например, перевод известной работы В. Ф. Эдвардса «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории», опубликованной в I томе «Магазина Землеведения», издававшегося Н. Фроловым. Слово «антропология» имело в те годы широкий смысл, и хорошо известно, что основная философская работа Н. Г. Чернышевского носила название «Антропологический принцип в философии». Чернышевский, однако, придавал очень большое значение и собственно антропологическим вопросам в современном значении слова. Его статьи «О расах», «О различиях между народами по национальному характеру», «Общий характер элементов, производящих прогресс»,— касаются принципиальных вопросов происхождения человека и его рас и содержат в себе непревзойденный для своего времени критический разбор расовых теорий. Значительное место специальные антропологические вопросы занимают и в сочинениях П. Л. Лаврова.

Оформление антропологии как особой научной дисциплины в России относится к 60-м годам и неразрывно связано с именем профессора Московского университета А. П. Богданова и с основанным им Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Целых три десятилетия, начиная с 1864 г.— года основания Общества — по праву вошли в историю русской антропологии как «Богдановский период». Научные интересы Богданова в антропологии сосредоточивались, главным образом, в области изучения древнего населения России. Отсюда и его интерес к историческим проблемам и к вопросам археологии и этнографии в частности. Уже в исследованиях Богданова вполне определился тот исторический подход к антропологическим проблемам,

который в дальнейшем получил свое блестящее развитие в работах Д. Н. Анучина, сменившего Богданова на посту руководителя русской антропологии.

Мы не будем останавливаться здесь на всем значении разносторонней и многолетней деятельности Анучина в качестве профессора Московского университета, председателя Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, редактора Антропологического журнала и т. д., которая протекала уже частично и в советское время. В богатейшем научном наследстве Анучина особое место занимает среди его антропологических исследований монография о географическом распределении роста мужского населения, где дан прекрасный образец применения историко-географического метода в расоведении, его классическая работа об айнах, исследования об аномалиях человеческого черепа, о древних искусственно-деформированных черепах и некоторые другие. Д. Н. Анучину принадлежит также заслуга в обработке и публикации замечательных материалов Н. Н. Миклухо-Маклая, оставившего неизгладимый след в антропологии своими исследованиями по народам Океании. Имя Миклухо-Маклая навсегда вошло в историю борьбы за идею единства человеческих рас, и эта сторона его деятельности, которая только сейчас может быть оценена в полной мере, по праву составляет гордость русской антропологии.

Названные нами выдающиеся деятели антропологии отражают общие черты русской антропологической науки своего времени. Дореволюционная русская антропология, при относительной скромности масштабов исследований, немногочисленности кадров, незрелости методики с современной точки зрения, тем не менее в целом несла в себе благородные традиции 60-х годов и была чужда тех расистских тенденций, которые были столь широко распространены в зарубежной науке.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции антропология в России была представлена двумя центрами: в Москве, под руководством Д. Н. Анучина, и в Петрограде, где широко развернула свою деятельность группа учеников и сотрудников Ф. К. Волкова. Антропологическая работа велась, хотя и в более скромных масштабах, в Казани и немногих других городах.

Великая Октябрьская революция открыла широкие возможности для развития антропологии в нашей стране.

Уже весной 1919 г., по ходатайству Д. Н. Анучина и В. В. Бунака, в Московском университете основывается самостоятельная кафедра антропологии, а в 1922 г.— Научно-исследовательский антропологический институт, где работают, кроме ближайших учеников Анучина — В. В. Бунака, Б. А. Куфтина, Б. С. Жукова и Н. А. Синельникова,— ряд других московских антропологов: П. А. Минаков, А. А. Дёшин, В. Г. Штефко, М. А. Гремяцкий и др. Развитие краеведческого движения вызывает интерес к антропологии и на местах. Широкое антропологическое изучение населения различных районов проводится Академией Наук по линии Комиссии изучения производительных сил, в деятельности которой принимают близкое участие петроградские антропологи (С. И. Руденко, Д. А. Золотарев и др.).

Уже в первые годы сказались основные черты развития советской антропологии: быстрое развертывание по сравнению с дореволюционным временем конкретных антропологических исследований, широко финансируемых центральными и местными учреждениями, плановость в организации этих работ, привлечение и подготовка новых кадров, популяризация науки в массах.

В 20-х годах стали восстанавливаться прерванные империалистической войной связи с зарубежной антропологией.

После смерти Д. Н. Анучина в 1923 г. его сменяет на кафедре и в Институте антропологии Московского университета В. В. Бунак. Рабо-

та московских антропологов под руководством В. В. Бунака в этот период получает новое направление, связанное с расширением общей биологической базы антропологических исследований и с теоретической разработкой целого ряда методических приемов. Интенсивно развивается начатое еще в предреволюционные годы ближайшим учеником Анучина Е. М. Чепурковским применение в антропологии биометрических приемов и географического метода исследования, получают свое развитие более дифференцированные методы морфологического анализа, устанавливаются связи с биохимией, изучается генетика нормальных признаков. Особое внимание уделяется специальным антропологическим методам исследования.

В 1926 г. под редакцией Бунака была издана «Методика антропологических исследований», основанная на большом числе специальных методических работ, выполненных В. В. Бунаком и его сотрудниками (Г. В. Соболева, Н. А. Синельников).

Помимо методических и расоведческих исследований в этот период впервые осуществляются систематические сборы массового материала, связанного с вопросами прикладной антропологии и медицины. В антропологической литературе значительное внимание уделяется вопросам физического развития, конституции, возрастной морфологии и др. Огромные материалы, которые были здесь собраны для прикладных целей, были широко использованы также для разработки важнейших теоретических проблем морфологии человека.

В целом, период, охвативший первое десятилетие после Октябрьской революции, обогатил науку рядом весьма ценных исследований в различных областях антропологии. Вместе с тем этот период отражает еще недостаточную зрелость теоретической мысли в советской антропологии и несет на себе печать недостаточно критического усвоения теоретических положений зарубежной антропологии, что сказалось в проникновении в советскую антропологическую литературу некоторых далеких нам, а порою и чуждых направлений.

Развитие антропологии, естественно, протекало не изолированно и было тесно связано с развитием ряда смежных дисциплин, в первую очередь, этнографии, археологии и лингвистики, оказывавших сильное влияние на направление расоведческих работ. Для двадцатых годов, которые характеризуются и в области указанных дисциплин накоплением весьма ценного материала, можно отметить в то же время увлечение формалистическими методами изучения отдельных элементов материальной культуры (типологический метод в археологии и этнографии), сильным влиянием так называемого культурно-исторического направления (школы культурных кругов), а в лингвистике — безраздельным господством положений индоевропеизма. Под влиянием смежных дисциплин в области расоведения эти методологические установки проявлялись, в первую очередь, в отсутствии достаточно строгого соблюдения исторического подхода к изучению расовых признаков и их сочетаний, в признании постоянного параллелизма между единицами расовой систематики, с одной стороны, и этническими и лингвистическими классификациями, с другой, если не в настоящем, то в прошлом, в связи с чем расоведческие работы нередко сводились к решению единственной заранее сформулированной задачи — конструирования гипотетических расовых типов носителей тех или других «культур», «культурных кругов», тех или других языков. Проблемы антропогенеза, занимавшие сравнительно скромное место в работах советских антропологов, отражали те же теоретические установки и группировались вокруг вопроса о соотношении неандертальского типа и типа Homo sapiens — вопроса, разрешавшегося в плане чисто миграционистских построений. Если вопросы о времени и месте становления человека и ставились, то без достаточного рассмотрения социальных факторов антропогенеза.

Попытки пересмотра методологии антропологической науки относятся к началу 30-х годов и связаны с теми коренными изменениями в экономике страны и той борьбой за построение бесклассового общества, которыми характеризуется в нашей стране этот период. Были подвергнуты критике идеалистические течения в области антропогенеза и расоведения и вскрыты методологические ошибки предыдущего периода. Как руководящая идея было выдвинуто положение о качественном различии между человеческими расами и расами животных, как важнейшая основная задача антропологии поставлено было изучение специфических особенностей эволюции человека, резко отличающих его от всего животного мира. Решающее значение имело овладение методами марксизма и стремление применить их в советской антропологии.

На трудах советских расоведов этого периода сказалось сильное влияние школы академиков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова в области лингвистики и археологии. Как критические, так и конкретные расоведческие исследования были заострены против идей индоевропеизма и его учения о «пранародах» и «праязыках», которые весьма часто использовались их зарубежными адептами для обоснования расовых различий как источника языковой и культурной дифференциации.

В области антропогенеза у советских антропологов обозначилось стремление развивать идеи Энгельса о роли труда в очеловечении обезьяны и противопоставить антидарвинистическим направлениям в разработке проблемы происхождения человека дальнейшую аргументацию идей Дарвина, с одной стороны, и выяснение исторических предпосылок человеческой эволюции, с другой [1].

Вопросу о применении метода диалектического материализма был посвящен ряд докладов на антропологической секции IV всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, состоявшегося в Киеве в мае 1930 года.

Большую роль в распространении в широких массах антропологических знаний и в борьбе против расистских тенденций сыграла обильная научно-популярная литература того времени и работа Музея антропологии Московского университета, отразившего в своей экспозиции руководящие идеи рассматриваемого периода.

В области морфологии человека отмечается усиленное развитие работ по прикладной антропологии — использование специальных антропологических материалов для выдвинутых социалистическим строительством целей стандартизации формы и построения ростовочного ассортимента легкой промышленности.

Мы отметили положительные стороны теоретической работы советских антропологов, относящиеся к 30-м годам. Однако в ходе полемики было допущено немало серьезных ошибок, которые частично проистекали из упрощенного социологизма школы Покровского. Не будем касать-

[1] В. В. Бунак, Современное состояние и задачи морфологии человека, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 21—32; его же, Расы, Больш. мед. энциклоп., т. 28, 1934, стр. 342—352; М. А. Гремяцкий, К проблеме расовых различий, «Естествознание и марксизм», 1929; его же, К проблеме расы у человека, «Труды IV Всес. съезда зоологов, анатомов и гистологов» (в Киеве), 1931; его же, Проблемы антропогенеза, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 33—42; М. Ф. Нестурх, Человек и его предки, М., ГАИЗ, 1934; Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Расы и расовая проблема в работах Маркса, Энгельса и Ленина, «Антропол. журн.», 1933, 1—2, стр. 9—23; их же, Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию, «Антропол. журн.», 1934, 1—2, стр. 28—54; А. И. Ярхо, Основные направления расовой антропологии в СССР, Труды IV Всес. съезда зоологов, анатомов и гистологов, 1931, стр. 330—332; его же, Против идеалистических течений в расоведении СССР, «Антропол. журн.», 1932, 1, стр. 1—23; его же, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропол. журн.», 1934, стр. 43—71; его же, Очередные задачи советского расоведения, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 3—20.

ся явно нелепых утверждений об отсутствии у человека расовых типов, утверждений, которые, конечно, не исходили из среды специалистов, но заслуживают упоминания, так как имели некоторое влияние на отдельные работы популярного характера. Но и в специальных антропологических работах правильная критика миграционизма (как системы, подменяющей идею развития теорией массовых переселений) нередко приводила к неверной тенденции игнорирования бесспорно доказанных переселений. Во многих обобщающих работах того времени сказывается недооценка значения конкретных исторических условий для формирования антропологических типов в данное время и в данном месте. Ставя своей основной задачей критику биологизации исторического процесса и теории стабильности расы, многие работы этого периода противопоставляли этим ложным взглядам абстрактные схемы.

Эти ошибки в дальнейшем были изжиты, и, хотя разработка теоретических основ антропологии ни в коем случае не является законченной, руководящие идеи советской антропологии позволили достигнуть крупных успехов и сделать целый ряд существенных обобщений в различных разделах этой науки.

Центральными темами в области антропогенеза продолжают оставаться конкретные вопросы филогении человека, разрабатываемые на материалах сравнительной анатомии, физиологии, эмбриологии, психологии приматов и палеонтологии гоминид.

Мы не имеем возможности останавливаться на многочисленных конкретных исследованиях по приматологии, осуществленных в различных научных учреждениях нашей страны, из которых, наряду с Институтом, Кафедрой и Музеем антропологии Московского университета и Музеем антропологии и этнографии АН СССР, надо особо отметить Институты мозга в Москве и Ленинграде, где был выполнен целый ряд исследований по макроструктуре и цитоархитектонике мозга приматов, Музей им. Ч. Дарвина в Москве, обезьяний питомник в Сухуми, где с 1927 г. ведутся разнообразные работы по анатомии, биологии и психологии низших приматов, лабораторию И. П. Павлова в Колтушах, Московский зоопарк.

Опубликованные в советской литературе работы по сравнительной анатомии приматов касаются различных систем. Следует назвать работы А. А. Дёшина и Пинеса, посвященные сравнительной анатомии мозга приматов, упомянутые уже выше исследования по цитоархитектонике мозга (Ю. Г. Шевченко, Е. Кононова и др.), работы М. А. Гремяцкого по изучению зубной системы приматов, исследования В. В. Бунака о гребнях на черепах приматов, работу М. Ф. Нестурха относительно добавочных млечных желез у приматов, трактующую интересный вопрос об атавизмах у высших обезьян, ряд исследований по папиллярным узорам у приматов (М. В. Волоцкой и др.), работы Н. А. Синельникова по расположению остеонов длинных костей, проводившиеся в Институте антропологии МГУ, работы по изучению синдесмологического аппарата и мускулатуры приматов, работы Б. К. Гиндце по кровоснабжению мозга и ряд других [2]. Значительная часть указанных работ, к сожалению, в большой

[2] В. В. Бунак, О гребнях на черепе приматов, «Русск. антроп. журн.», 1923, т. 12, вып. 3—4, стр. 5—24; М. А. Гремяцкий, К вопросу об эволюции нижней челюсти гоминид (Hominidae), «Русск. антроп. журн.», 1922, т. 12, вып. 1—2, стр. 183—192; его же, О некоторых аномалиях зубной формулы у приматов и их филогенетическом истолковании, «Русск. антроп. журн.», 1927, т. 16, вып. 3—4; А. А. Дёшин, К вопросу об эволюции коры мозга. Развитие центральной области коры (островок Рейля) и ее покрышек у человека, приматов и хищных, «Антропол. журн.», 1934, 1—2, стр. 68—78; Е. Кононова, Лобная область взрослого человека, Труды Гос. института мозга, 1938, вып. III — IV; М. Ф. Нестурх, Добавочные млечные железы у приматов, «Антропол. журн.», 1936, 3, стр 327—344; Л. Я. Пинес, Борозды и извилины мозга антропоидов. Проблема борозд и

своей части еще не опубликованных, касается проблемы локомоции приматов в связи с развитием прямохождения человека и служит подтверждением симиальной теории антропогенеза, получившей, таким образом, дополнительную аргументацию в советской антропологии.

Здесь уместно упомянуть и критические работы советских антропологов, посвященные опровержению концепций ряда зарубежных авторов, выступающих против дарвиновской теории антропогенеза,— таких, как Вуд-Джонс, Осборн, Вестенгефер и др. [3].

Значительное число работ было посвящено изучению поведения низших и высших обезьян в различных условиях эксперимента в связи с проблемой эволюции психики. Из этих исследований, помимо всемирно известных трудов И. П. Павлова, следует отметить выдающиеся работы Н. Н. Ладыгиной-Котс — автора специальных монографий по шимпанзе, теоретические исследования Л. С. Выготского, работы Н. Ю. Войтониса, проведенные им на основе многолетних наблюдений и экспериментов в Сухумском питомнике, работы Н. А. Тих, А. Н. Леонтьева, Гальперина и др. В этих работах такие вопросы, как взаимоотношения в обезьяньем стаде, манипулирование с предметами, а также интеллектуальные особенности обезьян, были поставлены и освещены с точки зрения проблемы биологических предпосылок очеловечивания. Эти исследования, лежащие вне пределов антропологии, но очень важные для разрешения многих антропологических проблем, получают сейчас дальнейшее развитие в работах сектора психологии Института философии АН СССР под руководством С. Л. Рубинштейна. Мы вынуждены оставить вне рассмотрения специальные работы по физиологии, патофизиологии, патоанатомии и биологии приматов, которые получили широкое развитие в советской экспериментальной медицине и которые нередко оказываются весьма существенными и для теоретических построений в области антропогенеза. Особого упоминания заслуживают обширные исследования А. Р. Лурия по локализации функций головного мозга.

Истекшие три десятилетия ознаменовались замечательными находками ископаемого человека на территории СССР; мы имеем в виду находки в гроте Киик-Коба в Крыму и в пещере Тешик-Таш в Узбекистане. Монография покойного Г. А. Бонч-Осмоловского, посвященная его раскопкам в гроте Киик-Коба и найденным здесь костным остаткам ископаемого человека, представляет собою, несомненно, выдающееся событие в мировой антропологии [4]. Как бы ни решался вопрос об археологической датировке слоев грота, принадлежность киик-кобинского человека к неандертальскому типу в широком смысле не подлежит сомнению. Тем самым киик-кобинская находка значительно расширяет ареал распространения неандертальцев и служит территориально как бы мостом между европейскими и известными палестинскими находками. Но значение находки не только в этом. Блестящее по своей технике исследование кисти ископаемого человека из грота Киик-Коба, проведенное

извилин в морфологии мозга, «Труды Ленинградского гос. института по изучению мозга им. Бехтерева», 1934; Н. А. Синельников, О пространственном расположении остеонов в диафизе бедра человека и других приматов, «Антропол. журн.», 1937, т. 3, стр. 102—116; Ю. Г. Шевченко, Нижнепариетальная область у промежуточной группы обезьян, «Труды Гос. института мозга», 1938, вып. III—IV, В. Г. Штефко, Биологические реакции и их значение в систематике обезьян и человека, «Русск. антроп. журн.», 1922, т. 12, вып. 1—2, стр. 80—91.

[3] М. А. Гремяцкий, Теория ологенеза в биологии и антропологии, «Антропол. журн.», 1933, 3, стр. 64—82; М. Ф. Нестурх, Против идеализма на фронте антропогенеза (Новейшие буржуазные гипотезы антропогенеза в свете трудовой теории антропогенеза Энгельса и последние открытия ископаемых представителей гоминид), «Фронт науки и техники», 1937, 5, стр. 50—80.

[4] Г. А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-Коба (Палеолит Крыма, вып. I), Академия Наук СССР, М.— Л., 1940, его же, Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба (Палеолит Крыма, вып. II), Академия Наук СССР, М.— Л., 1941.

Бонч-Осмоловским, обнаружило своеобразные признаки в строении кисти киик-кобинского скелета и положило начало дискуссии, касающейся одного из кардинальных вопросов антропогенеза — вопроса о древесной стадии в эволюции предков человека. Основываясь на «лапообразном» строении кисти киик-кобинца, Г. А. Бонч-Осмоловский, как известно, выступил с теорией, согласно которой «не только предок одного человека, но и общий предок человека и антропоморфов не имел специализированной к хватанию кисти, а следовательно, не был существом, узко специализированным к древесному образу жизни». Развитие хватательной кисти у человека и у антропоморфных обезьян объясняется, по Бонч-Осмоловскому, не генетической связью между ними, а конвергенцией — переходом от лазанья по скалам к лазанью по деревьям — у антропоморфных и специализацией к труду — у гоминид.

Теория Бонч-Осмоловского, встретившая и ранее серьезные возражения в советской литературе, в свете новых данных по палестинским находкам оказывается сильно поколебленной. Дело в том, что кисть палестинского человека оказалась типично хватательной — гибкой и узкой, резко отличной от «лапообразной» кисти киик-кобинца. Но значение киик-кобинской находки и работы Бонч-Осмоловского этим отнюдь не умаляется. Эта находка значительно расширяет наши представления о вариациях строения внутри неандертальского типа, и превосходная монография безвременно ушедшего от нас исследователя ставит перед будущими учеными не мало новых вопросов.

К тешик-ташской находке мы вернемся ниже.

Большое значение для исследования проблемы антропологии имели работы советских ученых в смежных областях — четвертичной геологии, палеонтологии и археологии палеолита. Работами В. И. Громова, М. В. Воеводского и других было внесено много нового в датировку палеолитического периода. Предполагаемый этими исследованиями до-рисский возраст мустьерской культуры и существование верхнепалеолитических стоянок в течение рисс-вюрмской и вюрмской стадий оледенения имеет существенное значение для правильного понимания распределения во времени процесса развития палеолита, а также длительности существования Homo sapiens.

Но если изучение конкретной эволюции приматов и дало наибольшее число работ, то теоретическая разработка проблемы антропогенеза в целом выдвинула ряд других, не менее существенных вопросов. Это, в первую очередь, общие закономерности эволюции гоминид и неразрывно с ними связанные вопросы о факторах эволюции человека. Названные проблемы впервые во всем их объеме были поставлены в советской антропологической литературе и нашли свою наиболее полную разработку в той части, которая касается становления Homo sapiens и его отношения к неандертальскому человеку. По своему значению эти вопросы выходят за пределы собственно проблемы антропогенеза; они неразрывно связаны с кардинальными проблемами первобытной археологии, с проблемой периодизации истории первобытного общества и приобретают поэтому особую остроту. Эти вопросы получили свое освещение в ряде работ М. А. Гремяцкого, Г. А. Бонч-Осмоловского и других, посвященных разработке и уточнению теории неандертальской фазы в эволюции современного человека.

Теория неандертальской фазы, отчетливо сформулированная впервые Алешом Грдличкой в 20-х годах н. с., не получила широкого признания за рубежом, и аргументация в ее пользу, рожденная в борьбе с реакционными течениями в антропологии, представляет заслугу советских антропологов. Основными доказательствами преемственной связи Homo sapiens с неандертальским кругом форм (в широком смысле), доказательствами того, что неандертальцы в целом не представляют собою

боковой ветви или параллельной формы по отношению к современному человеку, а стоят на пути эволюции от более древних форм гоминид к Homo sapiens, являются следующие факты: широкое распространение разнообразных неандертальских форм в различных областях Старого Света в эпоху нижнего палеолита; повсеместная бо́льшая древность неандертальских находок по сравнению с находками Homo sapiens; наличие ископаемых форм, носящих промежуточные черты между неандертальским типом и типом современного человека; преемственная связь между мустьерской культурой и верхнепалеолитическими культурами.

По всем этим пунктам в советской антропологии последних лет накоплен значительный материал. Здесь надо, в первую очередь, назвать исключительную по своей значимости первую бесспорную находку костных остатков человека мустьерского времени в глубине азиатского материка — скелет ребенка (в пещере Тешик-Таш в Узбекистане), сделанную в 1938 г. археологом А. П. Окладниковым [5]. Эта находка, принадлежность которой к неандертальскому типу, вопреки мнению Ф. Вейденрейха, может считаться доказанной, заполняет тот пространственный hiatus между европейскими и яванскими неандертальскими формами, который до недавнего времени мог служить еще аргументом в пользу гипотезы о существовании обширной территории в сердце Азии, где одновременно с неандертальцами Европы мог обитать Homo sapiens.

Противники теории неандертальской фазы критикуют ее с разных позиций. Одни, основываясь на весьма сомнительных и недостоверных палеоантропологических находках (Галлей Хилл, Пильтдаун, Мулен Киньон и др.), стремятся доказать ашёльский, шелльский или даже еще более древний возраст человека современного типа и тем самым погружают процесс его возникновения и его генеалогию в полную неизвестность. Другие, значительно более осторожные авторы, не идут столь далеко и конструируют в качестве теоретического предка Homo sapiens форму, соединяющую в себе черты обезьяны с особенностями современного человека. Отличия этой гипотетической формы от мустьерских неандертальцев Западной Европы эти авторы считают достаточным аргументом в пользу того, что вообще неандертальской стадии не было и что неандертальцы были боковой ветвью на родословном древе человека.

Первая точка зрения была подвергнута в советской литературе критике, в которой авторы исходили как из общих положений, так и из критического анализа отдельных находок. В частности, оказалось, что череп из Сванскомба, вопреки мнению некоторых зарубежных авторов, не может быть причислен к типу Homo sapiens. Другая точка зрения, как показали советские исследователи, исходила из слишком узкого понимания термина «неандерталец», тогда как теория неандертальской фазы не требует повсеместного происхождения Homo sapiens и с полным основанием включает в широкий круг неандертальских форм и целый ряд внеевропейских находок.

Из работ, посвященных морфологически промежуточным формам, надо отметить исследования М. А. Гремяцкого, Н. А. Синельникова, О. Н. Бадера по Подкумской, Сходненской, Хвалынской находкам, которые свидетельствуют о широком распространении более или менее

[5] Г. Ф. Дебец, Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш, «Труды Узбекистанского филиала АН СССР», Серия I, История, археология, вып. 1, 1940, стр. 46—71; его же, О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека, Изд. МГУ, 1947; А. П. Окладников, Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш (предварит. сообщение). «Труды Узбекистанского филиала АН СССР», сер. I, вып. 1, стр. 3—45, рис. 1—26; его же, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, «Советская археология», VI, 1940.

промежуточных форм не только в Центральной, но и в Восточной Европе[6].

Рассмотренная нами проблема неандертальской фазы в эволюции современного человека есть только часть более широкой проблемы — проблемы стадиальности в антропогенезе.

Мы остановились выше на вопросе о становлении Homo sapiens.

Если те изменения морфологических особенностей, которые отмечают собой переход от неандертальского типа к типу современного человека, показывают появление качественно новых признаков и позволяют характеризовать этот переход как перерыв постепенности, как скачок в развитии гоминид, то соотношение типов синантропа-питекантропа и неандертальского следует считать, повидимому, принципиально иным. Здесь мы можем говорить о постепенном развитии, протекавшем на протяжении огромного времени, охватывающего почти весь четвертичный период, и вместе с тем как бы раскрывающем в неандертальском типе те особенности, которые характеризуют уже тип питекантропа-синантропа. Такая схема, основанная на изучении морфологических особенностей, согласуется с данными археологии, отраженными в новой периодизации истории первобытного общества, которая была предложена у нас С. П. Толстовым. В этой схеме первый этап первобытной истории — первобытное стадо, соответствующий низшей ступени дикости по Моргану, охватывает весь нижний и средний палеолит (от дошелльской до мустьерской культур включительно)[7].

Обращаясь к еще более древней эпохе — превращения нашего животного предка в питекантропа, перехода от предшественника человека к древнейшим гоминидам, мы снова встречаемся с явлением разрыва постепенности и появлением нового качества.

Проблема происхождения современного человека тесно связана с вопросом о числе центров его формирования. Спор моно- и полицентристов в этом вопросе получил различное освещение в советской литературе. Наряду с крайними взглядами в сторону как моноцентризма, так и полицентризма были сделаны попытки такого разрешения этого вопроса, согласно которому современный человек возник в одной, но обширной области, где имело место интенсивное смешение между древними расами[8].

Если вопрос о морфологическом и хронологическом соотношении неандертальского типа и типа Homo sapiens сам по себе является не новым, то другая сторона этой проблемы — вопрос о факторах эволюции человека, о движущих силах процесса сапиентации — привлекла особое внимание советских антропологов.

Переход неандертальского физического типа на новую, более высокую ступень «ископаемого разумного человека» объясняли весьма различно. Большинство авторов указывало на важную роль в процессе становления Homo sapiens его более совершенного (по сравнению с неандертальским человеком) двуногого выпрямленного хождения. П. П. Ефименко приписывал наибольшее значение в этом процессе запретам браков между близкими кровными родственниками, т. е. установлению экзогамии, которая привела к превращению неандертальца в

---

[6] О. Н. Бадер, Новая палеоантропологическая находка под Москвой, «Антропол. журн.», 1936, 4, стр. 471—475; его же, Находка неандерталоидной черепной крышки человека близ Хвалынска и вопрос о ее возрасте, «Бюллетень Московск. общества испытателей природы», Отд. геологии, т. XVIII (2), 1940; М. А. Гремяцкий, Структурные особенности фрагментов подкумского черепа и его древность, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 127—141.

[7] С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, 1, стр. 25—30.

[8] Я. Я. Рогинский, Происхождение современного человека и теория «полицентризма», «Сов. этнография», 1947, 1.

более дифференцированный тип современного человека. Эта точка зрения получила широкое распространение в советской археологической литературе. В ряде работ Г. А. Бонч-Осмоловского проводилась мысль о том, что «лапообразная кисть» неандертальского человека была неспособна осуществлять тонкие сочетания движения, необходимые для производства разнообразных объектов позднепалеолитической индустрии; с этой точки зрения основным фактором происхождения Homo sapiens было развитие новых признаков в форме суставов и в пропорциях элементов кисти. Наряду с этими взглядами был выдвинут ряд соображений о том, что наиболее существенные отличия палеоантропа и неоантропа заключались в более высоком развитии у последнего различных свойств, необходимых для него как социального существа, в частности,— способности к членораздельной речи. Исходя из палеоантропологического материала, было обращено внимание на резкое затухание роли отбора у человека, как раз начиная с появления Homo sapiens, свидетельствующее о качественном преобразовании общественной жизни и сознания человека в этом периоде. В обоснование этой гипотезы были приведены различные данные, характеризующие культурные и соматические различия между неандертальским и современным человеком эпохи ориньяка.

В этом разнообразии мнений отражаются различные стороны сложного процесса человеческой эволюции, что должно предостеречь от переоценки отдельных частных факторов в становлении Homo sapiens [9].

Успехи в области разработки проблем антропогенеза нашли свое отражение в обширной научно-популярной литературе (В. К. Никольский, Б. Н. Вишневский, М. А. Гремяцкий, М. С. Плисецкий, М. А. Нестурх, Г. А. Шмидт, А. Н. Юзефович и др.).

В области расоведения 30 лет работы советских антропологов ознаменовались получением огромного нового фактического материала. Можно год за годом проследить, как заполняется антропологическая карта СССР и сопредельных стран. В настоящее время территория Советского Союза является одной из наиболее изученных в антропологическом отношении стран мира. Многие области были подвергнуты почти сплошной съемке, что позволило подойти в выделению локальных типов на обширных пространствах.

Превосходно изучен антропологический состав народов северо-восточной европейской равнины (Н. Н. Чебоксаров, Д. А. Золотарев), Поволжья (В. В. Бунак, П. И. Зенкевич, Т. А. Трофимова, Б. Н. Вишневский), Украины (Л. П. Николаев и его ученики), Кавказа (В. В. Бунак, А. И. Ярхо, В. И. Левин, Н. И. Ансеров, Г. Ф. Дебец), Средней Азии (А. И. Ярхо, Л. В. Ошанин, В. В. Гинзбург, Б. Н. Вишневский), Сибири (А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебец, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова, М. Г. Левин, С. А. Шлугер) [10].

---

[9] Я. Я. Рогинский, Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии, «Труды Института этнографии», Новая серия, II, М., 1947.

[10] Н. И. Ансеров, Талыши, Баку, 1932; В. В. Бунак, Crania armenica, «Труды Антропологического научно-исследоват. института при 1 МГУ», вып. II, 1927; V. Bunak, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen d. Bevölkerung Ost-Europas, «Zeitschr. f. Morphologie u. Anthropologie», 1932, Bd. XXX, H. 3; В. В. Гинзбург, Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза, «Труды Института антропологии, этнографии и археологии», т. XVI, Антропологическая серия, 2, Л., 1937; Г. Ф. Дебец, Антропологический очерк Лукьяновского уезда б. Нижегородской губ., «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 103—137; его же, Вепсы, там же, стр. 139—173; его же, К проблеме расового типа «протофиннов», там же, стр. 11—20; П. И. Зенкевич, Физический тип горных и луговых мари, Отд. оттиск из журн. «Марийская автономная область», 1934, № 8—9 и 10—11; его же, Характеристика восточных финнов, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 21—80; Д. А. Золотарев, Кольские лопа-

Здесь уместно вспомнить безвременно умершего советского антрополога А. И. Ярхо, оставившего заметный след в науке как своими теоретическими исследованиями, так и своими многочисленными работами по тюркоязычным народам СССР.

Собраны большие материалы по зарубежным народам Восточной Азии и Центральной Европы.

Если за весь дореволюционный период в Средней Азии было исследовано 935 человека, то в настоящее время эта цифра должна быть увеличена, примерно, в 15 раз. Многие народы были исследованы в антропологическом отношении вообще впервые, и даже в Сибири на ее огромных, труднодоступных пространствах почти не остается неисследованных групп. Нужно добавить, что и программа исследований значительно превосходит по своей детализации огромное большинство работ прошлого.

Большое место в советских расоведческих исследованиях заняли, наряду с измерительными признаками, признаки так называемые «качественные» или «описательные». Важным достоинством собранных материалов является их сравнимость между собой в результате применения унифицированной методики. Это надо особо подчеркнуть, так как, к сожалению, подавляющее большинство полевых материалов, собранных зарубежными антропологами, страдает отсутствием должной унификации. Большую роль в деле разрешения указанной задачи сыграли модели мягких частей лица, изготовленные под руководством А. И. Ярхо. Эти полевые материалы дополняются большим количеством краниологических исследований на современном материале.

В советских работах было обращено внимание на собирание материалов по специальным признакам с более или менее хорошо изученной генной структурой. В первую очередь сюда относятся группы крови. Массовое собирание материала по изогемоагглютинации было предпринято рядом учреждений, главным образом Бюро по антропологическому изучению групп крови народов СССР, организованным в 1927 г. при

ри, Академия Наук СССР, Материалы комиссии экспедиционных исследований, в. 9, серия северная, Л., 1928; его же, Карелы СССР. Академия Наук СССР, Материалы комиссии экспедиционных исследований, в. 24, серия северная, Л., 1930, рец. Г. Ф. Дебец, «Антропол. журн.», 1933, 1—2, стр. 234—237; Г. Дебец, Так называемый «восточный великорусс», «Антропол. журн.», 1933, 1—2, стр. 34—69; В. И. Левин, Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1932, 2; М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, «Труды Института этнографии», Новая серия, II, М., 1947; Л. В. Ошанин, Иранские племена западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование, «Труды Узбекского института экспериментальной медицины», I, Ташкент, 1937; его же, Тысячелетняя давность долихокефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения, «Русск. антропол. журн.», 1925, т. XIV, № 1—2, стр. 131—182; его же, Материалы по антропологии Средней Азии. Узбеки Хорезма, ч. I—II, Ташкент, 1927—1928; его же, Исторические сведения о расовых типах и метисации между ними в пределах Хорезма и Ташкента, «Бюллетень Ср.-Аз. гос. университета», № 16, 1927; его же, Материалы по антропологии Средней Азии. Киргизы южного побережья Иссык-куля, Ташкент, 1927; Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав современных немцев, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 271—308; его же, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, там же, стр. 237—270; его же, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, 1, стр. 30—70; его же, Ильменские поозеры, «Труды Института этнографии», Новая серия, 1, М., 1947; А. И. Ярхо, Казахи Алтая, «Северная Азия», 1930; его же, Туркмены Хорезма и Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1933, 1—2; его же, Антропологический состав турецких народностей Средней Азии, «Антропол. журн.», 1933, 3, стр. 3—28; его же, Краткий очерк изучения турецких народностей СССР за 10 лет, «Антропол. журн.», 1936, 1; его же, Гаиджинские тюрки, «Антропол. журн.», 1932, № 2, стр. 49—83. Рефераты многих еще не опубликованных работ; см. «Краткие сообщения о научных работах Н.-и. института и Музея антропологии при МГУ» за 1938—1939 гг.

Музее антропологии и этнографии АН СССР. Много материалов собрано по распределению папиллярных узоров среди населения СССР; эти материалы легли в основу сводки М. В. Волоцкого, предложившего индекс картографирования групповых особенностей папиллярных узоров [11].

К числу важнейших успехов советского расоведения относятся многочисленные систематические исследования краниологии древнего населения СССР. В этой части советские антропологи восстановили идущую от А. П. Богданова, а затем в значительной степени прерванную традицию. Из палеоантропологических работ необходимо в первую очередь назвать многочисленные исследования Г. Ф. Дебеца по различным эпохам и территориям, исследования Т. А. Трофимовой и В. В. Бунака по краниологии славян, работы В. В. Гинзбурга по краниологии хазар и палеоантропологии Средней Азии, работу М. С. Акимовой по скелетам из Балановского могильника фатьяновской культуры, работы Е. В. Жирова. Печатающаяся в настоящее время монография Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» подводит итог этим ценным работам и дает первую в литературе сводку материалов, которая послужит не одному поколению антропологов и археологов [12].

Не имея возможности в настоящем обзоре, вследствие его специального направления, касаться весьма важных и ценных работ по морфологии человека, мы должны упомянуть лишь те из них, которые были посвящены морфологии систематических расовых признаков. Интерес к исследованиям подобного рода в советской антропологии связан с теоретическими вопросами расоведения, на которых мы остановимся ниже.

Систематические расовые признаки изучались с различных сторон. В лаборатории проф. В. В. Бунака был проведен целый ряд работ, освещающих вопросы вариаций строения отдельных органов и систем с точки зрения механизмов внутривидовой изменчивости формообразования. Ряд работ был посвящен морфологическому анализу различных признаков, выяснению их анатомической и гистологической структуры. Таковы, например, работы П. И. Зенкевича по волосяному покрову, В. В. Бунака — по макро- и микроструктуре верхнего века, пигменту и т. д. Другие исследования были направлены в сторону изучения изменчивости измерительных признаков, а также их взаимосвязи. Здесь можно назвать работу А. И. Ярхо — по изучению кисти, В. В. Бунака — по пропорциям тела, П. Н. Башкирова — по исследованию связи пропорций тела и конституции и др. Упомянем и работы В. В. Троицкого по строению черепа.

В советской антропологической литературе большое внимание было уделено изучению возрастных постнатальных изменений различных морфологических признаков и связи с важным методическим вопросом о сравнимости между собою различных в возрастном отношении групп, а

---

[11] М. В. Волоцкой, Новый дактилоскопический индекс и его распределение по земному шару, «Ученые записки Московского гос. университета», 1936, 10, стр. 156—172.

[12] М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, «Труды Института этнографии», Новая серия, I (Памяти Д. Н. Анучина), М., 1947; В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии гуннов и сакав, «Сов. этнография», 1946, 4, стр. 207—210; его же, Антропологические данные по этногенезу хазар, «Сов. этнография», 1946, 2, стр. 81—86; Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, «Антропол. журн.», 1932, 1, стр. 54—73; его же, Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье, «Антропол. журн.», 1936, 1, стр. 65—81; его же, Палеоантропология СССР, «Труды Института этнографии АН СССР», IV (в печати); Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», 6, 1940; Т. А. Трофимова, Краниологический очерк татар Золотой Орды, «Антропол. журн.», 1936, 2, стр. 166—189; ее же, Черепа из Никольского кладбища, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 197—235.

также в связи с более общей проблемой истории становления отдельных признаков.

Для разрешения проблем расообразования большое значение должны иметь исследования генетической природы расовых признаков. В этой области у нас применялся метод посемейных исследований и близнецовый метод, который получил особенно большое развитие [13].

Рассмотренные нами кратко конкретные расоведческие исследования были сосредоточены в основном вокруг следующих общих проблем: 1) Понятие расы у человека; 2) Факторы расообразования; 3) Систематика современных рас; 4) История возникновения и расселения расовых типов человечества; 5) Антропологический материал как исторический источник.

В зарубежной антропологической литературе 20-х—40-х годов н. с. наблюдается сильное влияние крайне запутанных и мало обоснованных концепций о человеческих расах,— не говоря уже о лженаучных расистских теориях. В советской антропологии этот вопрос получил разработку с разных точек зрения.

Отправляясь от известного Сталинского определения науки, советские антропологи стремились показать прежде всего принципиальные отличия расовых делений человечества от национальных, этнических, лингвистических и других социальных подразделений. С другой стороны, в советском расоведении было развито положение о коренном отличии рас человека от соответствующих систематических категорий у животных, на том основании, что расы у человека не обладают в настоящее время адаптивностью признаков, принципиально иначе, чем животные, связаны с ареалом своего распространения, подчиняются в своих взаимоотношениях, смешении, изоляции, миграции и пр. не биологическим, а социальным закономерностям. Вследствие всего этого к человеческим расам не применимо представление о расах как об образующихся видах.

Раса человека характеризуется в советской антропологии как понятие историческое, что основывается на характере связей между расовыми признаками. Советскими антропологами было разработано положение о различных типах корреляций признаков и выделены так называемые физиологические и исторические корреляции. Первые характеризуются тем,

---

[13] П. Н. Башкиров, Пропорции тела у различных конституциональных типов, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 10, Антропология, 1937, стр. 103—117; В. В. Бунак, О некоторых вопросах генетического анализа непрерывно варьирующих признаков у человека, «Антропол. журн.», 1937, 3, стр. 16—40; его же, Макро- и микроструктура верхнего века в период роста, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 10, Антропология, 1937; его же, Опыт типологии пропорций тела и стандартизации главных антропометрических размеров, там же, стр. 7—102; его же, О вариациях пигмента и их значении для вариаций окраски волос, «Биолог. журн.», 1937, 3; его же, Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 34, Антропология, 1940, стр. 7—57; его же, Нормальные конституционные типы в свете данных о корреляции отдельных признаков, там же, стр. 59—101; П. И. Зенкевич, Смена волосяного покрова у человека, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 10, Антропология, 1937, стр. 187—198; М. В. Игнатьев, Определение генотипической и паратипической обусловленности количественных признаков при помощи близнецового метода, «Труды Мед. ген. института им. М. Горького», III, 1934, стр. 18—32; его же, К вопросу о математической интерпретации близнецовых корреляций, там же, т. IV, 1936, стр. 284—295; О. В. Недригайлова, Монгольская складка у детей украинцев. Материалы по антропологии Украины. Непериодические сборники, входившие в серию «Труды Украинского психоневрологического института», Харьков, I, 1926, стр. 152—163; Г. В. Соболева и М. В. Игнатьев, «О гено- и паратипической обусловленности роста в весе. «Труды Мед. ген. института им. М Горького», т. IV, 1936, стр. 370—382; А. И. Ярхо, О некоторых морфологических свойствах человеческой кисти, «Русск. антропол. журн.», 1926, т. XVI, вып. 1—2, стр. 50—74; A. Jarcho, Die Alterveränderungen der Fingermerkmale bei den Erwachsenen, «Antropologischer Anzeiger», 1935, Jahrg. XII, H. 2

что признаки тесно связаны между собою в силу причин, заложенных в самом организме; вторые возникают чисто исторически между независимыми друг от друга признаками и представляют собою комбинации, которые возникают и разрушаются в результате смешений, переселений и т. п. Сказанное относится, правда, не только к человеку, но и к животным, у которых также различают физиологические и «исторические» связи признаков. Однако так называемые исторические корелляции у животных принципиально отличны от таковых у человека, так как история какой-либо группы животных определяется чисто биологическими условиями, в то время как у человека она определяется в первую очередь общественными факторами.

Вот почему представление о расе у человека как о понятии историческом имеет смысл специфический для человека [14].

Из различных факторов расообразования наиболее полно было рассмотрено действие так называемых стохастических процессов, в особенности явлений, связанных с изоляцией малых групп. В общебиологической литературе была показана закономерность изменения генетического строения изолированной популяции. На целом ряде конкретных антропологических исследований это положение нашло свое подтверждение [15]. Математическое обоснование количественной стороны этого вопроса было дано М. В. Игнатьевым, который рассмотрел действие фактора «случайности» применительно к тем особым условиям, по которым человеческие популяции отличаются от всех других, рассматриваемых в общей теории эволюции, и показал, что анализ изменчивости групповых средних у человека может вскрыть природу происхождения различных локальных групп населения [16]. Не приходится говорить, какое значение для расового анализа представляет возможность установить на основании антропологических данных (параметров), имеем ли мы в каждом отдельном примере дело со случайными выборками, или с малыми, не возрастающими в численности подразделениями однородной популяции, или с аналогичными подразделениями численно увеличивающейся группы, или, наконец, с подразделениями, имеющими различное происхождение.

Роль изоляции в возникновении человеческих рас представляет тем больший теоретический интерес, что ее действие только у человека можно наблюдать в наиболее отчетливой форме, так как условия социальной жизни человечества снимают роль естественного отбора как видообразующего фактора.

Изучение смешения, о котором мы уже упомянули, позволило получить ряд интересных данных, касающихся закономерностей формирования типов в результате метисации. Обнаружился, в согласии с имевшимися данными, промежуточный характер большей части признаков в смешанных популяциях. Было показано на ряде примеров, что величина изменчивости измерительных признаков, выраженная величиной среднего квадратического уклонения, не возрастает в заведомо метисных группах, и предложен ряд теоретических объяснений этому факту (Г. И. Меллер).

Наконец, на метисных популяциях были намечены пути изучения наследования и возрастного проявления отдельных расовых признаков.

---

[14] В. В. Бунак, Раса как историческое понятие, Сб. «Наука о расах и расизм», 1938, стр. 5—46.

[15] В. В. Гинзбург, Изогемоагглютинация у горных таджиков, «Антропол. журн.», 1934, 1—2, стр. 95—105.

[16] В. В. Бунак, О некоторых случаях изменения средней величины признаков в смешивающихся популяциях, «Труды Медико-генетического института им. Горького», 1936, т. IV, стр. 237—253; М. В. Игнатьев, О пределах приложения математики в антропогенетике, «Антроп. журн.», 1937, 3, стр. 73—101; его же, Исследования по генетическому анализу популяций, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 34, Антропология, 1940, стр. 247—268.

В области изучения метисации надо указать работы А. И. Ярхо по Алтае-Саянскому нагорью, И. Г. Петрова по Бурят-Монголии и некоторые другие [17].

Мы не имеем возможности остановиться на работах по изучению изменчивости и наследственности расовых признаков, в частности на вопросах о полимерии, доминантности, о типах кривых распределения измерительных признаков у человека и т. д., которые также не остались вне сферы внимания советских антропологов.

В советской литературе большое место было уделено критике тенденциозного и незаконного преувеличения роли наследственного фактора у человека и недоучета роли среды в формировании признака в онтогении, в частности критике работ Пирсона и его школы [18].

Переходим к вопросам расовой систематики. Мы не будем касаться общефилософской стороны вопроса о реальности систематических категорий, вопроса, восходящего, как известно, к средневековому спору между реалистами и номиналистами. Укажем только, что этот вопрос продолжал волновать умы натуралистов XVIII и XIX столетий, причем можно отметить, что провозвестники эволюционной идеи Бюффон и Ламарк, отрицая стабильность систематических категорий, в своем отрицании отказывали этим категориям и в реальном существовании и видели в них лишь приемы мышления. Позже биология нашла то синтетическое разрешение этого кажущегося противоречия, которое хорошо выражено у К. А. Тимирязева, утверждавшего, что вида как категории строго определенной, всегда себе равной и неизменной, в природе не существует, но что виды в наблюдаемый нами момент имеют реальное существование. Само собой понятно, что эта формулировка вполне применима не только к виду, но и к подвидовым делениям.

Как обстоит в этом отношении дело применительно к расовым типам человека? Конечно, вкладывать в понятие расы человека тот же смысл, что и в понятие расы у животных, т. е. приписывать ей жизненно важное значение, неправильно. Но, как подразделения вида Homo sapiens, отражающие процесс географической дифференциации человечества в далеком прошлом, современные человеческие расы представляют собою вполне реальные объекты исследования.

Вопросы конкретной систематики расовых типов всегда стояли в центре внимания антропологов; нашли они свое место и в советской литературе. Мы оставляем в стороне имевшую место дискуссию о классификации расовых типов земного шара, отразившую те трудности, которые возникают у антрополога вследствие крайней смешанности в расовом отношении населения эйкумены.

В результате указанных выше конкретных расоведческих исследований наши представления о расовых типах населения СССР и их соотношениях значительно пополнились и во многом видоизменились, что немало помогло в разрешении вопросов расогенеза и этногенеза.

Многочисленные палеоантропологические работы за последние два десятилетия позволили бросить свет на вопросы, связанные с проблемами древности расовых типов, закономерностей их изменений во времени, их распространения на разных этапах истории, генетических взаимоотношений современных типов и др. Скелеты в пещерах Фатьма-Коба и

---

[17] Г. И. Петров (при участии А. Н. Редсиной и С. Т. Серпунина). Материалы Бурят-Монгольской антропологической экспедиции Академии Наук СССР. Труды Совета по изучению производительных сил, Серия сибирская, вып. 4, 1933; А. И. Ярхо, Метисация у турецких народностей СССР, «Труды IV Всесоюзн. съезда зоологов, анатомов и гистологов», 1931, 1, стр. 330; его же, Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтая-Саянского нагорья. «Русск. антропол. журн.», 1928, т. 17, вып. 3—4, стр. 24—58.

[18] М. В. Игнатьев, Карл Пирсон (обзор), «Антропол. журн.», 1937, 1, стр. 113—137.

Мурзак-Коба в Крыму, связанные с мезолитической индустрией, явились первыми на нашей территории находками этого времени и представляют значительный интерес, обнаруживая сходство с мезолитическими скелетами Бретани (Тевьек) [19]. Совсем к недавнему времени относятся открытия целого ряда находок древних скелетных остатков Homo sapiens на территории СССР, которые позволяют набросать общую картину перемещений и изменений границ между большими расами в различные эпохи.

Исследование фрагмента лобной кости в верхнепалеолитической стоянке Афонтовой Горы под Красноярском впервые позволило установить наличие выраженных особенностей монголоидного типа в населении позднего палеолита и тем самым приподнять завесу над одним из самых темных вопросов антропологии — о древности происхождения монголоидных рас [20]. Эта находка была тем неожиданней, что до этого было известно наличие в III—II тысячелетиях до н. э. на территории Минусинского края расы в общем европейского облика. Выдающийся интерес представляет сходство этого европеоидного типа с кроманьонским в широком смысле населением поздне-палеолитической Европы и переживание его в течение последующих эпох как на территории юго-западной Сибири, так и в степной зоне Восточной Европы (Нижнее Поднепровье, Нижнее Поволжье). Естественно, что эти находки поставили вопрос о дальнейшей судьбе этого загадочного европеоидного типа в Сибири. Вопрос этот получил свое разрешение в материалах различного рода. Палеоантропология открывает нам на территории Минусинского же края в последующие эпохи наличие монголоидного типа, все более смешивающегося с древними европеоидами. На Таштыкских масках выступают отчетливые черты этого смешения. И современное население Алтае-Саянского нагорья и Западной Сибири в целом несет на себе следы этих процессов древней метисации. Многие черты так называемого уральского типа, представленного среди хантов, маньси, западно-сибирских татар, северных хакасов, могут рассматриваться как результат смешения различных вариантов двух названных больших рас человека. И те особенности антропологического типа казахов и киргизов, которые отличают их от «классического» монгольского типа, комбинируясь здесь с отчетливо выраженной депигментацией, указывают, повидимому, на метисное происхождение и этого типа и переживание в нем черт древних европеоидов Западной Сибири.

Тот же процесс метисации прослеживается по данным палеоантропологии в Восточной Европе; он намечается в скелетных остатках из Оленьеостровского могильника на Онежском озере и отчетливо выступает на черепах из Луговского могильника ананьинской культуры (территория Татарской республики) [21].

Так ископаемый антропологический материал обнаруживает уже в глубоком прошлом далекие взаимопроникновения ареалов монгольской и европейской рас и намечает вехи по пути разрешения проблемы заселения лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири. И если приведенные нами факты говорят против широко распространенных недавно в нашей антропологической литературе взглядов о чисто «стадиальном» характере промежуточных расовых типов Западной Сибири

[19] Г. Ф. Дебец, Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму, «Антропол. журн.», 1936, 2, стр. 144—165.

[20] Г. Ф. Дебец, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском, «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода» № 8, 1946, стр. 73—77.

[21] Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 6, 1940; Т. А. Трофимова, Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 175—195.

в Восточной Европы, то этим вовсе не снимается вопрос о возможности изменения расовых типов во времени без всякого участия метисации.

Советские антропологи изучали факты изменений расовых признаков во времени при полном отсутствии доказательств каких-либо вторжений из-вне. Сюда должны быть отнесены такие изменения, как ослабление надглазничных дуг, мускульного рельефа черепа, уменьшение наклона лба, сужение лицевого скелета [22]. К более позднему времени относится увеличение головного указателя (брахикефализация), которое затрагивает самые различные расовые типы. Наконец, как широко распространенное явление обнаруживается увеличение длины тела в течение последнего столетия [23]. Только учет этих сложных явлений и тех закономерностей, которым они подчинены, позволил современным антропологам выяснить генетические отношения между расовыми типами и тем самым привлечь антропологический материал в качестве исторического источника.

Выше было указано на отсутствие причинной связи и строго постоянного параллелизма между этническими и расовыми делениями. Тем не менее, это не исключает возможности «эмпирической» связи между ними. Эта связь возникает вследствие формирования и антропологического типа и этнических групп на определенной территории, однако без всякой обусловленности исторического процесса расой. Указанная связь вскрывается нами в целом ряде случаев, из которых наиболее наглядными являются случаи распространения антропологического типа за пределы ареала его формирования. При этих условиях антропологический материал выступает как существенный источник при решении проблем этногенеза. С другой стороны, данные этнографии, археологии, лингвистики используются для решения антропологических проблем — для выяснения условий изоляции, смешений, переселений, длительности пребывания на территории и т. д. Этот комплексный характер исследований вместе с принципиальным отрицанием роли расы в историческом процессе и является характерной особенностью советской антропологической школы в области расоведения.

Советская антропологическая литература богата примерами конкретного применения названных принципов. Приведем некоторые из них.

Исследование антропологических типов древнего и современного населения Восточной Европы позволило внести ясность в старый спор о формировании и путях расселения восточнославянских групп. Уже с эпохи неолита и бронзы можно проследить на территории Восточной Европы ареалы обитания нескольких антропологических типов, которые вошли в состав как позднейшего славянского населения этой области, так и его соседей. В согласии с современными данными археологии и других смежных дисциплин антропология, таким образом, приходит к выводу об автохтонном, в основном, образовании славянских племенных объединений Восточной Европы [24].

Широко был использован антропологический материал для решения вопроса о происхождении народа коми. Прослеживание входящих в состав коми компонентов (беломорский вариант северной расы, переходный сублапоноидный тип, уральский тип, балтийский тип, восточно-средиземноморские расовые включения) позволило подтвердить данные

---

[22] Г. Ф. Дебец, Брюнн-Пшедмост, Кроманьон и современные расы Европы, «Антропол. журн.», 1936, 3, стр. 310—322.

[23] В. В. Бунак, Географическое распределение роста мужского населения СССР, «Антропол. журн.», 1932, 1, 2.

[24] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, 1, стр. 91—136; ее же, Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, «Сов. этнография», 1946, 3, стр. 51—74.

истории о центрах формирования отдельных групп коми и волнах переселений в разные периоды [25].

В качестве примера, относящегося к другой, отдаленной, территории, можно привести данные по антропологии якутов, в расовом типе которых явно выступают черты антропологического пласта, обнаруживаемого у бурят и у древнего населения Забайкалья, что заставляет уделить значительную долю в формировании якутского народа пришельцам с юга [26].

Как глубоко может быть прослежена связь современного населения с древними обитателями определенной территории свидетельствует пример с тунгусами Прибайкалья, обнаружившими в своем антропологическом типе теснейшую связь с населением неолита этой территории, что позволило археологу А. П. Окладникову говорить о культурной преемственности указанных групп [27].

Мы, конечно, далеко не исчерпали даже наиболее ярких примеров комплексного разрешения вопросов этногенеза. Упомянем еще лишь о классической работе Л. Я. Штернберга «Айнская проблема», где антропологический материал выступает в качестве блестящего аргумента южного происхождения айнской народности.

В 1941 г. было издано учебное пособие по антропологии — первое издание такого рода на русском языке [28].

Рассмотренные нами различные области работы советского расоведения, помимо своего основного позитивного значения, имели не менее важное значение в борьбе против лженаучных расистских теорий. Советская антропологическая литература насчитывает и целый ряд специальных антирасистских работ [29].

Советские антропологи не были одиноки в своей борьбе с расистскими «теориями». Мы с теплотой вспоминаем выступления во время войны с фашистской Германией таких ученых, как Боас и Грдличка.

Однако основная ответственность идеологической борьбы с фашизмом легла на плечи советской науки.

В отличие от тех не очень многочисленных критических исследований и выступлений отдельных прогрессивных ученых за рубежом, которые характеризуются отсутствием достаточно последовательной, строгой и согласованной в своих частях системы антирасистских воззрений, советские ученые исходили в своей критике из диалектико-материалистического понимания исторического процесса. Только с этих позиций могла быть вскрыта до конца ложность концепции о расе как основном факторе истории и разоблачена классовая сущность расистских построений разных толков. Только опираясь на марксистское положение о глубоком качественном, принципиальном отличии общественных закономерностей от тех, которыми управляется природа, можно было дать действительно уничтожающую критику «теории» о борьбе рас как основном содержании процесса истории.

И конкретные антропологические работы, и специальные критические статьи, и научно-популярная антирасистская литература, и много-

---

[25] Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, 2, стр. 51—80.

[26] М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. 3, 1947 .

[27] А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этногенезу Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941.

[28] В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология. Краткий курс, Под ред. проф. В. В. Бунака, М., Учпедгиз, 1941.

[29] Наука о расах и расизм, Академия Наук СССР, М.—Л., 1938 (Труды Н-иссл. института антропологии МГУ, вып. IV); Сб. Расовая теория на службе фашизма, Украинская ассоциация марксо-ленинских научно-исслед. институтов, Институт философии, Киев, 1935 (многочисленные статьи М. С. Плисецкого и др.).

численные публичные выступления в широких массах были посильным вкладом советских антропологов в великое дело борьбы советского народа против фашизма.

Перед советской антропологией стоят большие задачи. Огромные пространства нашей страны, ее разнообразный этнический состав, богатая событиями история населяющих ее народов — уже этого было бы достаточно, чтобы признать антропологический материал по Советскому Союзу выдающимся по своему значению для науки. В нем лежит разгадка многих проблем антропологии. Ни происхождение туземцев Америки, ни генезис народов Европы, ни сложные расовые взаимоотношения в Передней Азии, ни многие другие проблемы не могут получить разрешения без всестороннего использования данных советской антропологии.

Перед советской антропологией стоит задача дальнейшего собирания материалов, освещающих антропологический состав населения нашей страны в настоящем и прошлом. Это требует дальнейшей разработки как специальных методов, так и общей методики исследования. Изучение указанных проблем немыслимо без дальнейшего углубления теоретических взглядов по вопросам о факторах расообразования, происхождения и эволюции человека в целом и т. д.

Это трудные и большие задачи. Но можно быть уверенными в том, что советская антропология, передовая по своему методу и мировоззрению, развивающаяся в стране социализма, успешно справится с ними и, наравне с другими областями советской науки, будет продолжать служить делу освобождения человечества от расового и классового гнета.